

На правах рукописи

КИПЕНКО Мария Владимировна

**«АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОНЦЕПТА *ВЛАСТЬ*
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТОВ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ
XXI ВЕКА)»**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тольятти – 2012

Работа выполнена на кафедре русского языка и литературы ФГБОУ ВПО «Тольяттинский государственный университет»

Научный руководитель

Лопарева Диляра Камильевна,
кандидат филологических наук, доцент

Официальные оппоненты:

Мерзлякова Альфия Хамитовна,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский
государственный университет»,
заведующий кафедрой
романских языков

Опарина Алла Викторовна
кандидат филологических наук, доцент,
ОАНО ВПО «Волжский университет
им. В.Н. Татищева», доцент
кафедры литературы и русского языка

Ведущая организация:

**ФГБОУ ВПО «Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет»**

Защита состоится «28» марта 2012г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.275.07 при ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корпус 2, ауд. 221.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», с авторефератом – на сайте УдГУ: www.lib.udsu.ru

Автореферат разослан «___» _____ 2012 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент

Н.Г. Медведева

Общая характеристика работы

Реферируемая диссертационная работа посвящена изучению объективации концепта *власть* в медиадискурсе и проводится в рамках современной лингвокультурологической лингвистики в аспекте дискурсивного подхода, который позволяет рассматривать языковые явления в рамках определенных дискурсов.

Феномен власти не раз становился предметом исследования в работах представителей разных наук: политологии, социологии, философии, лингвистики и др. Языковеды (раб. Л.Е. Бессоновой, С.А. Дроздовой, М.Д. Невинской, Е.И. Шейгал, И.Б. Щеболевой) обращались к проблеме «власти в языке» и «языка власти», анализу оппозиции «власть – народ», функционированию и развитию концептов *свобода*, *власть* и *вызов*. Однако нет работ, в которых акцент делается на аксиологическом аспекте концепта *власть*, специфике его объективации в медиадискурсе.

Отсюда вытекает **актуальность** настоящего диссертационного исследования, определяющаяся несколькими факторами:

1. Недостаточной изученностью содержания политической концептуальной системы, к которой относится концепт *власть*.
2. Необходимостью описания социокультурных концептов, являющихся важной составляющей языковой картины мира русского народа, в их конкретном когнитивно-стилистическом воплощении.
3. Недостаточной разработанностью теории и практики дискурсивного подхода к анализу социокультурных концептов в публицистическом дискурсе (как синоним в работе употребляется термин медиадискурс).
4. Отсутствием аксиологического аспекта исследования концепта *власть* как дискурсивно маркированного в медиадискурсе.

Объектом исследования является концепт *власть* как дискурсивно-стилистически маркированный концепт медиадискурса.

Предметом стали языковые и речевые средства репрезентации и основные структурно-признаковые характеристики дискурсивной маркированности концепта *власть* в современной газетной публицистике.

Выбор **материала** для исследования обусловлен следующим.

Последние несколько десятилетий публицистические тексты претерпели значительные изменения: с одной стороны, усиление информативности и аналитичности, снижение декларативности и расширение содержательного диапазона, с другой – расширение языка публицистики за счет разговорной и жаргонной лексики. Как следствие активного интереса читателя к анализу политических событий в структуре российской журналистики выделился особый тип изданий, главной темой которых стала политика. Таковыми сегодня являются информационно-аналитические ежедневные газеты (Коммерсантъ, Российская газета, Ведомости и др.), информационно-аналитические еженедельники (Комсомольская правда, АиФ, Завтра, журнал Коммерсантъ-Власть и др.).

Специфической чертой публицистических текстов является их общая коммуникативная установка на то, чтобы увлечь, заинтересовать, убедить адресата, повести его за собой. Как известно, авторами большинства публикаций в современной прессе являются профессиональные журналисты, которые выступают как ретрансляторы высказываний политиков, как комментаторы и аналитики политических событий. Еще более широким является круг потенциальных читателей указанных текстов.

Материалом нашего исследования послужили публикации в газетах «Комсомольская правда», «Независимая», «Завтра» и журнал «Коммерсантъ-Власть». Выбор определялся тем, что они, во-первых, являются популярными высокотиражными изданиями, во-вторых, занимают разные политические позиции, то есть относятся к числу либо оппозиционных власти, либо проправительственных изданий, что дает возможность более объективно представить содержание и структуру исследуемого концепта.

Анализируемый материал показал, что языковые репрезентанты концепта *власть* преимущественно встречаются в политическом дискурсе.

Хронологические рамки исследования ограничены периодом с 2000 по 2011 год, так как именно с двухтысячного года начался новый этап в политической истории России: президентом стал В.В. Путин, и с этого же момента начались изменения в отечественных СМИ.

Целью реферируемого исследования является дискурсивно-стилистическая характеристика аксиологического аспекта концепта *власть*, которая предполагает выявление и описание в медиадискурсе всего комплекса его специфических черт. Такой анализ позволяет свести воедино различные ракурсы исследования, включая способы языковой объективации в русском политическом дискурсе прагматически значимой информации анализируемого концепта, детерминированной одной из основных функций публицистики – воздействия и формирования общественного мнения.

Поставленная цель определила постановку следующих исследовательских **задач**:

- изучение сущности когнитивно-дискурсивной парадигмы, которая служит методологической основой данного исследования;
- анализ различных точек зрения на понятие «концепт», методику анализа концепта;
- историко-этимологическая и лексико-семантическая характеристика лексемы «власть» в русском языке;
- исследование ядерных и приядерных репрезентантов концепта *власть*;
- выявление периферийных средств языковой репрезентации аксиологического аспекта концепта *власть* и направлений его основных концептуальных векторов.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе впервые на основе методики дискурсивного анализа медиатекстов

представлена попытка моделирования одного из основных социокультурных концептов современной публицистической картины мира в его аксиологическом аспекте.

Теоретической базой исследования стали положения когнитивистики (Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Р.М. Фрумкина и др.), лингвокультурологии (Ю.С. Степанов, В.В. Колесов, А. Вежбицкая, В.И. Карасик, С.Г. Воркачев и др.), теории дискурса (Р. Водак, Т. Ван Дейк, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова), в том числе дискурса массовой коммуникации и политического дискурса (Е.С. Кубрякова, О.В. Орлова, Г.Я. Солганик, Л.В. Цурикова, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал).

В ходе исследования были использованы следующие **методы**: наблюдение, описание, моделирование (представление ментального содержания концепта в виде полевой структуры), а также совокупность следующих приемов: 1) лексикографический анализ (дефиниционный); 2) компонентный анализ; 3) этимологический анализ; 4) моделирование ассоциативно-смыслового развертывания аксиологической составляющей концепта в публицистическом дискурсе.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Концепт *власть*, выступающий основным миромоделирующим концептом публицистической картины мира, имеет длительную историю развития. Он одновременно существует в сознании и как нечто абстрактное, не соотносимое с денотатом – способность и возможность оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью каких-либо средств (воли, авторитета, права, насилия), и как соотносимое с конкретным денотатом – это лица, наделенные правительственными, административными полномочиями, поэтому он обладает сложным планом выражения.
2. Структура концепта *власть* наиболее полно может быть представлена в виде полевой модели, включающей в себя ядро, приядерную зону и периферию. Отличительной его чертой является перераспределение составляющих структуры концепта следующим образом: расщепление понятийного компонента, смещение образного компонента в приядерную зону с появлением оценочности в ней.
3. Ценностная составляющая в полной мере проявляется на периферии концепта, которая представлена такими основными смысловыми компонентами, как *действия власти, борьба за власть, власть и народ, структура власти и отношения между ее представителями*, которые признаково характеризуют концепт такими пейоративными смыслами, как ‘стремление подчинить’, ‘властвовать’ ‘бездействие’, ‘недееспособность’, ‘преступление’, ‘двуличие’, ‘жульничество’; ‘противопоставление власти народу’, ‘противопоставление сродни оппозиции’, ‘недоверие к власти’, ‘осознание, что народ власти не нужен’ = ‘безразличие власти к судьбе народа’, ‘игра в порядочность,

действенность при полном равнодушии к судьбе народа’, ‘бездействие’; ‘неискренность’, ‘мошенничество’, ‘соперничество’;

4. Концепт *власть* как один из значимых социокультурных концептов в современном отечественном медиадискурсе имеет отрицательный аксиологический статус, так как негативная составляющая экстраполирует свою оценочность на весь концепт, и обладает различными прагматическими векторами: от трагедийного до иронического и сатирического.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней предложен и осуществлен дискурсивно-стилистический анализ концепта *власть*; результаты исследования способствуют углублению представления о концепте; развивается методика лингвоконцептологического анализа; представлен один из аксиологических – негативный – фрагментов публицистической картины мира.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в практике вузовского преподавания в курсах по лексикологии и стилистике русского языка, в лекционном курсе по общей лингвистике, спецкурсах по лингвокультурологии, в лексикографической практике по составлению словаря концептов русского языка, в преподавании русского языка как иностранного, в антропоцентрических исследованиях.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Логика исследования и последовательность решения поставленных задач обусловили **структуру** диссертации. Она состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка.

Во **введении** обосновывается актуальность избранной темы, определяются объект и предмет исследования, ставятся цель и задачи работы, аргументируются ее новизна, теоретическая и практическая значимость, характеризуются основные методы и приемы исследования, излагается структура диссертации, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** - «*Теоретические основы исследования*» - представлен анализ современного состояния науки о концептах – концептологии. Рассматривается методика концептуального анализа, структура концепта и способы его языкового представления.

В первом параграфе - «*Картина мира*» и *ее современная интерпретация*» - констатируется, что современная антропоцентрическая парадигма исследования актуализировала интерес к проблеме соотношения языка и мышления. Возникла необходимость уточнить не только суть таких понятий, как «картина мира», «языковая картина мира», «концептуальная картина мира», «публицистическая картина мира», «концепт», но и их взаимосвязь. Нам представляется, что публицистическая картина мира – часть картины мира, но по сравнению с множеством других картин (научной, мифологической, фольклорной, наивной), во-первых, самая быстроменяющаяся, во-вторых, самая аксиологичная. Концепт – это

ключевая единица, объединяющая и картину мира, и концептуальную картину мира, и публицистическую картину мира, и языковую картину мира.

Во втором параграфе *«Проблемы определения концепта в современной науке»* проводится обзор общей теории концепта, анализируются дефиниции концепта в работах ведущих российских ученых, занимающихся проблемами концепта, отмечаются специфические черты отдельных определений.

Анализ дефиниций показал, что границы данного термина чрезвычайно размыты. В ходе исследования не удалось обнаружить ни одного признака, который присутствовал бы во всех определениях, однако некоторые из них могут быть сгруппированы по одному или нескольким сходным признакам (ментальность, связь с общественным опытом, оценочная компонента).

В диссертационном исследовании концепт понимается как сложное, целостное, непрерывно формирующееся ментальное образование, которое является результатом совмещения данных сенсорного восприятия какого-либо объекта, продуктов воображения, житейского опыта и т.д. и объективируется в языке и речи.

В третьем параграфе *«Различные аспекты изучения концепта»* определяется, что в современной науке концепт представляет собой междисциплинарное понятие, получающее свое освещение в различных школах и направлениях, позволяющих выделить когнитивную лингвистику и лингвокультурологию в качестве приоритетных подходов к пониманию этого явления, которые не противопоставлены, а связаны между собой и только обогащают видение объекта.

В четвертом параграфе - *«Структурные компоненты концепта и способы их языкового представления»* - рассматриваются представления о структуре концепта ряда лингвистов: С.Г. Воркачева, В.И. Карасика, В.М. Масловой, Ю.С. Степанова, З.Д. Поповой, И.А. Стернина.

Так как концепт не структурированное понятие, а «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, то разработка структуры концепта может быть решена с привлечением теории поля.

Под полем понимаем сложную, многомерную структура концепта, обладающую ядром и периферией, состоящей из компонентов, признаково характеризующих данный концепт. Нам представляется, что применение полевой модели является наиболее эффективным методом изучения структуры концептов, и поэтому используем его в своем исследовании.

В рамках общей проблематики «концепта» в лингвистике решается вопрос не только о видах знания, но и способах их языкового представления.

Мы придерживаемся мнения большинства исследователей, которые считают, что концепт может объективироваться всеми языковыми единицами.

Пятый параграф - *«Методики анализа концептов»* - представлен обзором работ, посвященных методике концептуального анализа в языке и в тексте (Ю.С. Степанов, О.В. Орлова, Е.И. Шейгал и Е.С. Арчакова, З. Д. Попова и И.А. Стернин).

Анализ различных авторских методик показал, что невозможно придерживаться какой-либо одной схемы концептуального анализа, общей для любого концепта. В зависимости от типа, структуры и направления, в рамках которого исследуется концепт, обычно и выстраивается методика его анализа.

Мы использовали следующую методику анализа социокультурного концепта *власть*, которая нам позволила выявить особенности его реализации в медиадискурсе и раскрытия его аксиологической составляющей: а) провести традиционный компонентный анализ слова-имени концепта; б) проанализировать синонимы, дериваты, сочетаемость ключевого слова; определить при помощи интерпретационного анализа векторы ассоциаций и построить на их основе ассоциативно-смысловые поля, позволяющие выявить пристрастия стоящих за ними авторов и, шире, изданий, формирующих сознание «своего» читателя; в) выделить прагматические векторы через анализ ключевых направлений ассоциирования; г) выявить и рассмотреть модели когнитивных метафор, выражающих оценочную составляющую концепта *власть*; д) проанализировать стилистические приемы организации языковых средств, актуализирующие эксплицитную и имплицитную аксиологическую составляющую концепта.

Вторая глава реферируемого исследования – *«Концепт власть и его признаковые репрезентации»* – посвящена историко-этимологическому анализу слова-имени концепта, анализу его ядерных, приядерных и периферийных репрезентантов.

Концепт *власть* является постоянно присутствующим устойчивым ментальным образованием – это культурная константа. Идеальные его смыслы опредмечиваются лексемой «власть» и декодируются в его словарных дефинициях. В.И. Карасик справедливо полагает, что особенностью культурного концепта является акцентуация ценностного элемента, так как его центром всегда оказывается ценность, «поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип» [Карасик 2001: 76].

Анализируемый концепт имеет длительную историю становления: развитие семантической структуры в русском языковом сознании двигалось по линии смещения значения с «область», «княжество» (1-е, основное значение в XI в.) в сторону значений, объединенных интегральными семами 'сила', 'мощь', 'господство'.

Анализ лексикографических источников показал, что лексема «власть» в русском языке оформилась как старославянский вариант от *владети* (древнерусский – *володети*).

«Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера, «Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.)», «Историко-этимологический словарь современного русского языка» выделяют смыслы: 'осуществлять право собственности в отношении кого-, чего-либо', 'управлять', 'мощь', 'сила', 'господство' 'субъекты верховной власти'.

В толковых словарях XX века значение *область, княжество, государство* уходит в архаическую сферу, становится семантическим историзмом, а в качестве основных выделяются пять лексико-семантических вариантов, из которых ведущим является первое: «право и возможность подчинять кого-либо своей воле, распоряжаться действиями кого-н.».

«Толковый словарь русского языка конца XX века» отмечает 3 значения, связанные непосредственно **только** с политической властью: политический строй; политическое господство; органы государственного и местного управления.

Лексикографический анализ позволил выделить основные генные смыслы внутрисловной парадигмы лексемы «власть», которые являются постоянными на протяжении всей истории существования слова и отражают социальные и культурные аспекты его когнитивного мира: ‘господство’, ‘влияние’, ‘воздействие’, ‘сила’, ‘мощь’, ‘авторитет’, ‘насилие’, ‘обозначение субъектов верховной власти’.

Концепт *власть* – один из культурно и социально значимых, актуальных и коммуникативно релевантных концептов русской национальной концептосферы.

Традиционно к ядру концепта относят понятийную и образную составляющие, но концепт *власть*, с одной стороны, выражает «безденотатное» содержание – нечто, существующее в нашем сознании, – ‘подчинение кого-то своей воле’, с другой стороны, он четко соотносится с денотатом в словарном значении «органы власти, лица, облеченные правительственными, административными полномочиями». Отсюда ядро концепта репрезентировано лексемой «власть», и здесь реализуются генные смыслы ‘господство’, ‘влияние’, ‘авторитет’, т.е. оно представлено только понятийным компонентом концепта, четко не соотносимым с денотатом, и частично в синтагматическом отношении с образным.

Анализ современных интерпретаций политической власти в газетных текстах дает возможность наметить два концептуальных подхода к их пониманию: *власть как атрибут* и *власть как социальные отношения между людьми*. Соответственно, *власть* в первом понимании мыслится как физический объект, имеющий свои качественные характеристики (большая, личная, другая и под.), пространственные параметры (пирамида, вертикаль, квадрат, треугольник, границы, этажи и под.), с которым можно производить определенные действия (передать, захватить, получить и под.), а также обозначать другие объекты по отношению к нему (стоять у, рваться к, быть при и под.).

«Для того, чтобы переделать мир, надо иметь власть» (КП, 2003.12.17).

«Как только мы получаем власть, мы начинаем бояться народа – поэтому *власть на всякий случай старается до упора закрутить гайки*» (НГ, 2007.11.21).

«Надо создавать такие условия, при которых воровать и злоупотреблять властью будет очень и очень сложно» (Власть, 2007.10.19).

«В общей сложности он в таком разе будет стоять у власти шестнадцать с половиной лет, а с учетом первого срока – столько же, сколько Брежнев» (КП, 2003.06.06)

«Александр Александрович вряд ли, при своем-то опыте, станет алчно рваться к власти, как к чему-то неизведанному и желанному – «дайте поруководить, хоть посдыхайте все» (Завтра, 2006.07.07).

«К концу 1948 года пирамида власти в СССР изменилась» (Власть, 2001.09.20).

«В минувшую субботу на выездном – калининградском – заседании Госсовета Путин подписал указ, опрокидывающий вертикаль власти в стране» (НГ, 2007.12.24)

«Негибким в коридоры власти лучше не соваться» (КП, 2007.03.24).

«Путин заполняет и будет заполнять все властное пространство, которое отведут ему страна и история» (КП, 2004.03.15).

«Если на Западе она распространена преимущественно в низовых звеньях, а в верхнем эшелоне власти – это скандальное исключение, то у нас все этажи власти коррумпированы» (Завтра, 2005.12.15).

«Большая власть будет у Путина, а молодого, энергичного, либерального Медведева представят Западу, – размышляет политолог» (КП, 2007.12.12).

«Единоличная власть не может продолжаться вечно»,— сказал Ознобищев» (Власть, 2007.12.24).

«Это человек, который руководствовался в значительной степени интересами сохранения личной власти, и этим очень многое, на мой взгляд, объясняется» (НГ, 2008.02.26).

Приядерная зона представлена понятийным и образным аспектами концепта *власть*. Это та часть значения лексемы «власть», которая четко соотносится с денотатом. Власть в этом понимании связана с субъектами действия (конкретными людьми, или группой лиц) и репрезентируется различными глаголами (думать; бояться; заявлять; прийти к решению; преследовать; игнорировать и под.).

«С другой стороны, я сомневаюсь, что власть преследует государственные интересы, а не клановые» (КП, 2004.12.15).

«Власть боится прошлого, потому что в одном случае планка была слишком высока для сегодняшнего дня, а в другом – слишком низка даже для сегодняшнего дня» (НГ, 2007.05.08).

Анализ материала показал, что активизируется тенденция к усилению адресности власти в современных условиях: власть Путина, власть Саакашвили, московская власть, власть оппозиции и под.

«Это значило не что иное, как ограничить власть Путина и снова, как в 1993-м, отдать ее парламенту» (КП, 2007.03.28).

«Как грузинская оппозиция собирается свергнуть «никчемную и антинародную власть Саакашвили» читайте завтра» (НГ, 2005.03.03).

«К 2010 г. московская власть планирует более трети всей продовольственной продукции, попадающей в магазины и на рынки столицы, закупать через эти агрокомпании» (Завтра, 2004.12.15).

Из двадцати пяти однокорневых лексем слова «власть» только прилагательное «властный» активно «работает» в медиадискурсе, вступая в несвойственные ему семантические связи и расширяя свою семантическую валентность: властный Олимп; властный квадрат; властный бомонд; властный ресурс; властный эшелон; властный механизм.

«А официальная Москва в упор ничего не видит и не слышит, хотя и в компетентные, и в правоохранительные ведомства, и на властный Олимп – от губернатора до президента России – направлены соответствующие письма с указанием конкретных фактов и подтверждающими документами» (НГ, 2007.10.16).

«Даже в вопросе деторождения наш властный бомонд будто бы боится обогнать президента – отца двух дочек» (Завтра, 2006.09.16)

«Авторы <...> на 350 страницах рассказывают узкому кругу своих избранных читателей о том, какой образ жизни они должны вести, чтобы сохранить свой организм «на вредном производстве», каковым считается властный эшелон» (КП, 2006.08.04).

Образный ряд аккумулируется в названиях субъектов власти: органы власти, лица, облеченные властными полномочиями, которые в свою очередь уже могут быть оценены.

Приядерная зона репрезентирована широким синонимическим рядом: Кремль, Белый дом, мэрия и под.; коммунисты, аграрии, демократы и проч.; Путин, Медведев, Касьянов, Жириновский и т.д.; государственная дума, государственный организм, президентское большинство, государевы слуги, слуги народа, облеченные властью лица, социально ответственный слой, наймиты Кремля, семейно-кремлевские кукловоды, массовик-затейник, бюрократы, крючкотворы и некот. др.

«Тульский "Белый дом" сотрясает очередной политический скандал. На этот раз в центре внимания оказался мэр города Сергей Казаков» (НГ, 01.16.03).

«Коммунисты, естественно, не согласны уступать свое поле наймитам Кремля. И пытаются как могут мешать им...» (НГ, 03.19.04).

«Хотя уже всем, наверное, понятно, что основным источником коррупции в России являются именно олигархические структуры. Что это, утренняя в детском саду? Тогда все смеются и хлопают в ладоши, наблюдая за главным массовиком-затейником» (Завтра. 25.02.03).

Отметим, что перераспределение составляющих структуры концепта в сторону смещения образного компонента из ядра в приядерную зону и расщепление понятийного является авторской особенностью исследуемого концепта.

Анализ ядерных значений концепта *власть*, позволил выделить доминантные смыслы, которые определили основные компоненты периферии концепта: действия власти, власть и народ, борьба за власть,

структура власти и отношения между ее представителями, которые исследуются в параграфе – *«Признаковые репрезентации периферии концепта власть»*.

Удаленность компонента от ядра концепта определяется его актуальностью и количеством репрезентирующих единиц.

Главную роль в формировании аксиологической составляющей концепта *власть* в анализируемых изданиях играет когнитивная метафора, которая является формой мышления и важным средством воздействия на интеллект, чувства и волю адресата.

Если понятийная и часть образных составляющих соответствуют ядру и приядерной зоне, то ценностные характеристики концепта отражены в основном на периферии именно когнитивной метафорой.

Компонент «Действия власти» репрезентируется как генными смыслами 'деятельность', 'воздействие', 'насилие', 'стремление подчинить', 'властвовать', так и современными 'бездействие', 'недееспособность', 'преступление', 'двуличие', 'жульничество'.

«Президент предложил кабинету министров удивительно выверенную программу ускоренного развития экономики: "Нельзя успокаивать себя и страну, надо строить более амбициозные планы!" Осталось объяснить правительству, что амбициозный – не от слова "амба..."» (КП, 22.10.05).

В этом контексте использована игра слов, базирующаяся на созвучии *амба* и *амбициозный*. Лексема «амба», означающая «конец», «капут» (воровское), заставляет прочитывать *амбициозные планы* как «безвыходные». Корреляция со словосочетанием *ускоренное развитие страны* создает контрастный вывод: деятельность власти – на деле бездействие, что актуализирует концептуально-коннотативный вектор тревожности, опасности. Причина возникновения этого вектора вполне объяснима: зачастую ситуация в России складывалась таким образом, что «благие намерения» властей оборачивались тяжелыми потрясениями для простых людей.

«Президент Путин довел бюджет до 60 миллиардов. Думаете, что причина в удалении олигархов от власти? Вовсе нет. Он пополнил бюджет страны за счет обдиранья регионов. Ярославская область может себе строить дороги и мосты, дома и газопроводы, но этого не происходит по той причине, что все деньги у нас забирает Москва. Вот я и вынужден заниматься борьбой с правительством, чтобы оно хотя бы часть денег возвращало» (Завтра, 25.02.2003).

В данном примере существительное *обдиранье* (процесс действия по значению глаг.: *обдирать*. перен. разг. обирать – разорять, брать с кого-л. непомерно высокую цену) экстраполирует оценочную составляющую на весь контекст, также актуализируя вектор тревожности.

Деятельность государственных лиц в авторских контекстах характеризуется как красочное, 'хорошо поставленное шоу', 'отрепетированный спектакль', 'увлекательное театральное или цирковое представление'.

«Власти в декабре-январе деньги «зажали» <...> совместить же высокие зарплаты и низкую информацию у правительства получается плоховато. Вот и занимаются эквилибристикой: сейчас денежки придержим, а накануне выборов отпустим. Народ будет счастлив, а скачок инфляции произойдет через два-три месяца, когда министерские посты будут уже поделены» (КП, 25.03.04).

Деятельность правительства представлена так, как если бы это была «эквилибристика» (вид циркового искусства: жонглирование, акробатические упражнения при неустойчивости положения тела с сохранением равновесия), и воздействие на читателей сводится к изменению рациональной картины мира. Метафора поддерживается антитезой – *высокие – низкие, придержим – отпустим*, что способствует формированию прагматических смыслов «неискренность», «лживость», «помпезность».

Власть представлена как театр, в котором есть свои «сценаристы» и «режиссеры», а многие с виду влиятельные люди – лишь «актеры», исполняющие отведенные им роли.

«...Партии, выступающие за новый передел собственности, могут взять на выборах гораздо больше голосов, чем им готовы отдать кремлевские дирижеры» (НГ, 05.05.07).

Зачастую действия власти в текстах – это карточное жульничество, шулерство, мухлеж.

«Однако после почти недельного раздумья президент вытащил из рукава полузабытого бюрократа советского разлива, отправленного, казалось, навсегда в почтенную ссылку в Европу» (КП, 16.03.07).

Идиома «вытащить из рукава» ассоциируется с карточной игрой, а значит с мошенничеством, жульничеством, интригой и азартом. Следовательно, деятельность власти получает негативную оценку, т.к. карточная игра связана с обманом. Кроме того, в русском национальном сознании игра воспринимается как потеха, а не дело, которому должно быть отдано основное время. Эта концептуальная метафора актуализирует концептуальный вектор тревоги и агрессивности.

«Криминальная метафора» – ‘криминальные разборки’ – пронизана концептуальными векторами тревоги, опасности: *«Кто бы мог подумать, что крупнейшие наши предприниматели способны на такое бурное выражение чувств? И совсем немного понадобилось для этого: всего лишь устроить показательную разборку с одним членом уважаемого собрания, напомнив остальным старую русскую поговорку: «от сумы да от тюрьмы не зарекайся»* (журнал «Власть», 08.10.06).

Пейоративные смыслы компонента «Борьба за власть» ярко актуализируются во время предвыборной кампании. Этот компонент, репрезентируя генные смыслы ‘авторитет’, ‘мощь’, ‘сила’, ‘влияние’, ‘воздействие’, ‘прийти к власти’, ‘терять власть’, в текстах обрастает новыми коннотациями, которые аккумулируют метафорические образы из сфер:

- военной («В России сложилась политическая система, в рамках которой обустроен загон, где страстно и бессмысленно

состязаются рядовые претенденты, и отдельно существует плацдарм, где упорно, осторожно и неумолимо передается власть от президента к преемнику» (Завтра 5.03.08);

- спортивной («*Борьба за пост мэра Волгограда, которую уже окрестили самой грязной в истории города, вышла на финишную прямую*» (НГ 15.05.2007);
- зооморфной («*Мне, господа, особенно одна сказка понравилась. <...> Там обитатели леса выбирают себе хозяина. По принципу: «Закон – тайга, медведь – хозяин». Точно не знаю, но, кажется, в сказке как в жизни: целых четыре (!) кандидата. Допустим, ежик, барсучок, зайчик и медведь. Каждый в своем роде» (НГ 26.02.08);*
- медицинской («*Изучите выступление Путина на госсовете <...> а также речь Медведева в Красноярске, – и вам покажется, что вы присутствуете при филигранной, рискованной политико-хирургической операции. Путину трансплантируют в Медведева. Пересаживают политические органы донора Путина в политическое тело реципиента Медведева*» (Завтра, 20.02.08);
- азартных игр («*Нельзя победить Вешнякова. Нельзя обыграть крупье. Нельзя перехитрить рулетку, которой управляет ФАПСИ, где цифры меняются, как в таксофоне, а на шарик, из бестрепетных рук карауловых и сванидзе, направлены невидимые магниты*» (Завтра, 23.12.03)

Возникновение этих образов связано с концептуальными векторами – неестественность, опасность, агрессивность, жестокость.

В языке анализируемой прессы преобладает идея, что власти ‘безразлично положение народа, ее не волнуют проблемы простых людей, а забота о них – это лишь демонстрация собственной значимости, за которой скрывается стремление к обогащению, материальному благополучию’.

Компонент «Власть и народ» характеризуется горькой иронией и негативной оценкой, которые реализуются через смыслы ‘противопоставление власти народу’; ‘противопоставление сродни оппозиции’; ‘недоверие к власти’; ‘осознание, что народ власти не нужен’ = ‘безразличие власти к судьбе народа’; ‘игра в порядочность, действенность при полном равнодушии к судьбе народа’; ‘бездействие’.

Для газетной публицистики действительно характерно противопоставление народа и власти:

«Народные избранники не хотят, чтобы их решения знал сам народ. (КП, 17.08.08).

«И Путин, и Медведев говорили о «цивилизации Человека», о «человеческом капитале», о превращении нищего, запуганного чиновниками, беззащитного перед бандитами, погруженного в невежество человека в свободного полноценного гражданина. Слова звучат с голубых экранов, но за окнами цены безудержно растут, нищета беспросветней, миллиардеры

множатся, в тюрьмах сидит треть России, а гнилая инфраструктура всякий день дарит аварии и пожары. Атака на человека становится тотальной. <...> Сытый, обеспеченный, живущий в хорошем доме, получающий хорошее образование человек, лишенный "духовной вертикали", превращается в счастливое животное, коими полнятся особняки на Рублевке. Эта звероферма не может быть образцом для русской «цивилизации Человека» (Завтра, 20.02.08).

Весь контекст построен на антитезе, концепт вербализуется контекстуальными антонимами *нищий, запуганный, беззащитный – свободный полноценный гражданин*, а также лексемами с отрицательной оценочностью: *гнилая инфраструктура, дарить аварии и пожары, тяжба с чиновниками, проиграть, тотальная атака*. И даже издевательское образование *звероферма* (предприятие по разведению ценных пушных зверей) не привносит ноты иронии, а усиливает концептуальный вектор трагедийности, неуверенности в завтрашнем дне.

«Во многих регионах бюджетники нищают, а губернаторы строят новые резиденции, швыряют миллионы ручным газетам...» (НГ, 04.12.05).

Глагол «нищать», подчеркивающий постоянное ухудшение материального положения рядовых граждан, и разговорное «швырять миллионы», свидетельствующее об огромном финансовом достатке властей, подчеркивает большую разницу между народом и его властью и негативное отношение к ней. Смысл 'противостояние' эксплицируется антитезой: *бюджетники – губернаторы; нищать – швырять* и акцентируется расслоение российского общества.

Журналисты часто акцентируют скептическое отношение народа к государственным лицам, недоверие к ним:

«Есть у нашего народа два объекта вечной ненависти: чиновники и богачи», «Когда же мы успели растратить былую гордость за страну, растерять ее в дебатах и трениях, посеять в людях недоверие к собственному правительству и существующей системе в целом?» (Завтра, 12.05.06).

В приведенных примерах прилагательное *вечный* (бесконечный по времени, не имеющий ни начала, ни конца; независимый от времени, неизменный во времени) и существительное *ненависть* (чувство сильнейшей вражды, неприязни), стоящие в сильной позиции, экстраполируют свою отрицательную оценочность на весь контекст и актуализируют прагматический вектор тревоги. Риторический вопрос и прием градации (*растратить, растерять, посеять недоверие*) усиливают смысл 'недоверие'.

Смысловые единицы компонента «Структура власти и отношения между ее представителями» характеризуют и саму структуру власти, и отношения внутри нее.

Для русского языкового сознания свойственно представлять структуру власти как строение – дом, здание. Это доказывают идиоматичные сочетания «верхние/нижние этажи власти», «коридор(ы) власти», «кулуары власти».

Структура власти в газетах изображается как 'театр', в котором есть свои режиссеры и сценаристы, своя актерская труппа. Соответственно, и отношения между ее представителями отличаются 'наигранностью', 'неестественностью', 'лицемерием'.

«Нет, вы только ничего такого не подумайте: эти нынешние мужские политлобзания – вовсе не проявление новомодного, широко распространенного сейчас интимного начала в рамках одного пола. Это просто эффектное па-де-де ритуальных чиновничьих плясок, опровергающее мысль одного юмориста, что может быть мужчиной хорошо уже потому, что не надо целовать чужую трехдневную щетину. Надо! Без политпоцелуев уже не обходится ни одна тусовка в верхах» (КП, 15.05.03).

Весь фрагмент выдержан в сатирических тонах. Название статьи «Политики снова целуются в засос», и все ее содержание осмеивает власть. Поцелуй, принятый в качестве приветствия среди современных политиков, автор называет *эффектным па-де-де ритуальных чиновничьих плясок*, тем самым подчеркивая неестественность, наигранность отношений между представителями власти, поведение которых – лишь соблюдение ритуала, а не искреннее проявление чувств.

Игра в отношениях между представителями власти зачастую напоминает 'охоту хищника за жертвой'. В разобранный выше статье читаем:

«Конечно, политпоцелуй – не всегда свидетельство неподдельной радости, а при минимальном знании взаимоотношений целующихся политиков, а также с поправкой на существующее в политтусовке лицемерие, невинный чмок нередко напоминает осторожный лязг акульих челюстей» (КП, 15.05.03).

Метафора *лязг акульих челюстей* сравнивает власть с отношениями между хищными животными. Оно отличается особой агрессивностью, жадностью и безжалостностью (типичные качества акулы).

Часто структура власти сопоставляется с 'карточной колодой'. Структура власти 'соотносится с иерархией игральных карт' (в ней также есть свои «тузы», «джокеры» и «шестерки») или 'со спортивной командой'.

«Ушел Касьянов. Сам ли ушел, его ли «ушли» – это сейчас вопрос даже не второй, а приблизительно так шестнадцатый. Кто придет ему на смену, интересно было бы знать, конечно, но и это имеет значение главным образом для столичной политической тусовки. Вот уже где сегодня раскладываются пасьянсы с тузами и джокерами...» (КП, 15.09.06).

В словосочетании *столичная политическая тусовка* слово «тусовка» актуализируется сразу в двух смыслах – исходном ('тусоваться' пришло из воровского жаргона 'играть в карты') и современном ('встреча развлекательного характера'), тогда оно читается: 'представители московских властных структур встречаются, чтобы погадать (разложить пасьянс), кто же займет освободившееся место, учитывая табель о рангах (тузы, джокеры)'. Власть в социальном сознании людей ассоциируется с игральными картами, так как они имеют много общего: и власть, и карты –

это 'интриги', 'ложь', 'обман', 'ловкое мошенничество', 'тайные замыслы', а также 'азарт' и 'возможность обогащения' в случае выигрыша. Кроме того, статус любого политика можно легко сопоставить с достоинством какой-либо игровой карты в зависимости от занимаемого им поста. Весь контекст имеет ярко выраженный концептуальный вектор иронии.

Военная метафора остается по-прежнему одной из активно используемых в анализируемых изданиях.

«Однако и основной конкурент ЕР – «Справедливая Россия» не дремлет, привлекая в свои ряды общественных и политических деятелей, а также «перебежчиков от единороссов».

После того как членом партии власти стал экс-коммунист Александр Черногоров, из рядов единороссов к эсэрам дружно перешел ряд заметных в крае политиков, в том числе и депутат Госдумы края Михаил Кузьмин» (НГ, 15.01.07).

В этом примере отношения между представителями различных партий характеризуются через военную метафору: трансформированный фразеологизм «Справедливая Россия» не дремлет (ср. враг не дремлет) и лексема «перебежчик» оценивают эти отношения как, с одной стороны, вражеские, с другой – как предательские.

Исследовательский материал показал, что и структура власти схожа со структурой спортивной команды:

«Мы с Починком в одной команде», «президентское окружение изначально состояло из трех команд: так называемые "семейные", те, кто пришел во власть еще при Ельцине, "новопитерские силовики" и "новопитерские либералы"» (Журнал «Власть», 13.04.05).

Использованная здесь спортивная метафора призвана актуализировать концептуальный вектор соперничества, неправдоподобия происходящего, неискренности политиков и их несамостоятельности, наличия тайных «тренеров» в политической жизни страны.

Таким образом, анализ смыслового компонента концептуального поля «Структура власти и отношения между ее представителями» показал, что для него характерны те же ассоциации и прагматические смыслы, которые были отмечены в других компонентах концепта *власть*. Это:

- 1) отношения, характеризующиеся игрой, истинной или ложной, в которой есть место 'неискренности, мошенничеству, соперничеству', свидетельствующие о наличии «тайных советников», «политтренеров», «серых кардиналов». В этом случае разные формы игры (театральной, цирковой, спортивной, карточной) напоминают театр марионеток, а руководители - или куклы, или кукловоды;
- 2) 'охота хищников за жертвой';
- 3) 'криминальные разборки';
- 4) 'отсутствие моральных и нравственных норм' – 'безнравственность отношений друг с другом'.

Активное использование моделей с сильными концептуальными векторами, несомненно, влияет на социальную оценку власти, внушает мысль о том, что власть опасна, пронизана криминальными связями и отношениями, что политическая элита состоит из актеров, преступников, ловких мошенников, способных выдавать желаемое за действительное.

Исследование показало, что участие метафорических моделей с концептуальными векторами агрессивности, опасности, тревожности, неправдоподобия происходящего, неестественности, лживости политиков, излишней карнавальности (война, криминал, спорт, игра, театр) актуализирует смыслы 'стремление подчинить', 'властвовать' 'бездействие', 'недееспособность', 'преступление', 'двуличие', 'жульничество'; 'противопоставление власти народу', 'противопоставление сродни оппозиции', 'недоверие к власти', 'осознание, что народ власти не нужен' = 'безразличие власти к судьбе народа', 'игра в порядочность, действительность при полном равнодушии к судьбе народа', 'бездействие'; 'неискренность', 'мошенничество', 'соперничество', эксплицируемые в контекстах как тщательно скрываемые за такой помпезной демонстрацией собственной значимости, как 'ложь', 'обман', 'интрига', 'бандитская разборка'.

Смыслы проясняются в текстах такими стилистическими приемами, как парцелляция, призванная решать различные изобразительно-стилистические задачи (усиление экспрессивности, логическое выделение особенно важной мысли и под.); восходящая и нисходящая градация, служащая для всестороннего, с нарастающей (реже нисходящей) экспрессивностью описания какого-либо явления, предмета; контаминация приемов, стилевое смешение, повторение лексем, употребление для усиления экспрессии разговорных и просторечных слов.

Активное использование моделей с сильными концептуальными векторами, несомненно, влияет на социальную оценку власти, внушает мысль о том, что власть опасна, пронизана криминальными связями и отношениями, что политическая элита состоит из актеров, преступников, ловких мошенников, способных выдавать желаемое за действительное.

Проведенный анализ показал, что в течение первого десятилетия XXI века исследуемый концепт в целом сохраняет и метафорические образы, и концептуальные векторы тревоги, опасности, при этом значительно усиливается ироничное отношение к власти.

Исследовательский корпус демонстрирует практическое отсутствие контекстов с положительной оценкой. На наш взгляд, это объясняется несколькими причинами.

Во-первых, первые десять лет XXI века названы политологами, экономистами, политиками «нулевыми», что, на наш взгляд, ассоциируется не столько с количеством нулей в цифрах от 2000 до 2010, сколько со значением слова ноль 'ничего не значащий, незначительный'. Исследователи считают, что а) государство подчинило себе бизнес, и основной доход снова стали приносить нефть и газ; б) произошла централизация власти, регионы стали дотационными; в) страна устремилась к однопартийной системе, ею

стала партия власти – «Единая Россия»; г) имущественное расслоение превысило все разумные пределы; д) уменьшилась общая численность населения России, смертность превысила рождаемость; е) стали напряженными отношения с ближайшими соседями – Белоруссией и Украиной; ж) борьба с терроризмом не дала результатов – террористические акты происходили ежегодно в разных городах страны.

Эта эпоха породила поколение «нулевых» людей, идей, проектов и так далее. Все это не могло не вызвать ярко выраженной отрицательной оценки со стороны журналистов.

Во-вторых, отечественная публицистика всегда была сильна своей критической стороной. Традиция свободной критики власти была заложена еще Протопопом Аввакумом, оформилась и закрепилась в произведениях известных русских публицистов В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева. Замолчавшая в советский период, она вновь активизировалась в 90-х годах.

В-третьих, это объясняется, по мысли В.Н. Телия, тем, что «мораль человеческая склонна скорее клеймить позором, чем «возносить на небеса» [Телия 1996: 61], т.е. хорошее воспринимается как должное – это норма.

И, в-четвертых, критика позитивна, она призвана заставить власть задуматься и внести коррективы в свою политику (например, активная критика централизации власти привела к признанию ее неработоспособности и в перспективе объявленной руководством страны децентрализации).

В заключении представлены основные выводы исследования, которые подтверждают вынесенные на защиту положения, а также намечаются перспективы дальнейшей разработки проблемы.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

1. Кипенко, М.В., Лопарева, Д.К. «Действия власти» как составляющая концепта «власть» в современной публицистике (на материале газеты «Комсомольская правда». / М.В. Кипенко, Д.К. Лопарева // Информационный потенциал фразеологизма и слова: Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой памяти проф. Р.Н.Попова. – Орёл, 2005.
2. Кипенко, М.В., Лопарева, Д.К. Концепт «власть» как составляющая политического дискурса. / М.В. Кипенко, Д.К. Лопарева // Текст. Теория и методика: Сборник статей преподавателей и аспирантов Тольятти, 2005. Вып. VI.
3. Кипенко, М.В. Компонент «Власть и народ» как составляющий концепта «Власть» (на материале «Комсомольской правды»). / М.В. Кипенко // Концептуальные проблемы литературы: художественная когнитивность. Материалы Международной научной конференции. 22 ноября 2005 года.- Ростов-на-Дону, 2006.
4. Кипенко, М.В., Лопарева, Д.К. Вербализация в концепте «власть» компонента «борьба за власть». / М.В. Кипенко, Д.К. Лопарева // Текст:

теория и методика в контексте вузовского образования: Сборник научных трудов и материалов III международной конференции.– Тольятти: ТГУ, 2008.

5. Кипенко, М.В., Лопарева Д.К. Компонент «структура власти и отношения между ее представителями» в структуре концепта «власть» (лингвистический анализ). Международная научная конференция «Русский язык и литература в Украине: проблемы изучения и преподавания. Сб.науч.тр. - Горловка, 2009.

6. Кипенко М.В. Методика описания культурных концептов в языке публицистики. V Международные Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения. Сб.науч.статей. – Севастополь, 2011.

Публикация в издании, рекомендованном ВАК:

1. Кипенко, М.В. Лексическая объективация концепта 'власть' в языке газеты «Комсомольская правда» / М.В. Кипенко // Вестник Тамбовского университета. – Серия «Гуманитарные науки». – Тамбов, 2010. - Вып. 4 (84). – С. 238-245.